

ЗВОНИТЬ НА ВСЮ ДЕРЕВНЮ МАНУФАКТУРА BVLGARI В САНТЬЕ АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

под блестящими формами
императорского рима в bvlgari
скрыто швейцарское
варварское содержание

Марка Bvlgari, конечно, итальянская, традиционная, римская, столичная. Вам никогда не забудут сказать, что мельчайшие детали ее дизайна вдохновлены Вечным городом и его памятниками. Корпус Octo — архитектурой базилики Константина и Максенция, корпус Bvlgari-Bvlgari — золотой монетой римской эпохи.

Но если дизайн, стиль, дух здесь и вправду римские, то внутреннее содержание — истинно варварское, то есть швейцарское. Римляне не могут обойтись без гальветов, мастеров, живущих в предгорьях Юры. У Bvlgari несколько часовых адресов, и все они — в Швейцарии. Среди них и город Невшаталь с большой фабрикой, откуда готовые часы уходят на продажу. И поселок Сенилеже, где делают детали корпусов. И Ла-Шо-де-Фон, где производят циферблаты. И, наконец, горная деревушка Сантье, где собирают мануфактурные механизмы для Невшталя и где — с начала и до конца — изготавливаются главные часовые осложнения Bvlgari, в том числе их репетиры, один из которых — Ammiraglio del Tempo — попал в этом году в короткий список Grand Prix d'Horlogerie de Geneve.

По пути на мануфактуру мы смотрим на облако, лежащее в долине. Сантье лежит много выше облака. Маленькая фабрика Bvlgari состоит из двух частей — старой и новой, построенной незадолго до того, как марка вошла в состав LVMH. Там, во французском холдинге, итальянская компания оказалась вместе с такими знатными часовщиками, как TAG Heuer и Zenith. Поэтому я сразу спрашиваю директора производства Федерико Шашу, стоило ли тратить на строительство нового производства и разработку собственных базовых механизмов, если их могут предоставлять дружественные марки.

«Мы пользуемся лучшим, что у них есть, например зенитовскими El Primero и Elite, — отвечает господин Шаша, — но я считаю, что такая марка, как наша, должна иметь собственные механизмы. Мы выстроили производство в тот период, когда Bvlgari могла рассчитывать только на свои силы, благодаря этому мы сейчас сохраняем независимость».

Базовые калибры Solotempo собираются современной механизированной системой Lesclapeux. Но если кто-нибудь думает, что часовое ремесло тем самым заменено машинным производством, он очень ошибается. Смысл как раз противоположный: освободить драгоценные руки часовщика от лишнего, чтобы они занимались только сборкой. Все же остальное — подбор деталей, их перемещение, контроль качества и точности механизма — доверено компьютеру. Система эта тем более безошибочна, что была придумана когда-то для медицинских анализов и работает, таким образом, с аптекарской точностью.

Bvlgari Ammiraglio Del Tempo, Repetition Minutes et Carillon Westminster. Минутный репетир с четырьмя молоточками и четырьмя гонгами имеет спуск с фиксатором и передачу для сохранения постоянной силы механизма. Пуск репетира осуществляется кнопкой, замаскированной под крепление ремешка. «Адмирал времени» — часы, существующие в серии из 20 моделей в корпусе из розового золота и 10 моделей в корпусе из белого золота

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Детали сами подъезжают к мастеру и оказываются на его столе для сборки, а после завершения работы в виде готового механизма уходят своими ногами в дальнейшую часовую жизнь. Производительность систем достаточно, чтобы покрывать все нынешние потребности Bvlgari и даже, если это вдруг понадобится, делиться с дружественными марками группы. Но кроме базовых «калибров» здесь в Сантье разрабатываются и производятся сложные механизмы — к примеру, сверхтонкие калибры Finissimo и Finissimo Tourbillon.

Для этого на фабрике в Сантье существует не по росту мощное производство деталей. «У нас есть возможность немедленно воплощать наши идеи, — говорит мне директор механического ателье, — быстро изготовить любую необходимую нам деталь». Для этого куплены трехосевые и даже пятиосевые машины. Станки для гидроабразивной резки деталей не надо перестраивать, их достаточно перепрограммировать. «Мы движемся со скоростью 30 км в неделю», — смеется оператор, показывая 30-километровую бобину со струной в десятую долю миллиметра. Смазку механизма осуществляет робот, имеющий точность до нескольких микронов.

Рядом находятся и самые традиционные и неизбежно ручные производства: здесь, например, набирают циферблат из невесомых листочков перламутра и готовят гонги для репетиров. Этим как раз занимается Жан — седой, похожий на художника часовщик с бородой, как у Карла Маркса. К нему относятся с почтением, точно к колдуну, — он делает гонги из проволоки, гнет их, как скульптор, и слушает, как музыкант. У него своя комната, куда начальство заходит, ломая шапку, он здесь один, и это его царство.

Над осложнениями работают самые квалифицированные часовщики, они трудятся над моделями от начала и до конца. Количество мастеров определено количеством клиентов — не так уж много людей, готовых купить репетир, который может стоить 350 тыс. франков, как Ammiraglio del Tempo. Еще меньше людей, которые понимают, что они купили, и умеют с этим обращаться. Иногда мастерам приходится собирать по косточкам драгоценные модели, с которыми владельцы отправились играть в гольф или теннис.

Мы слушаем репетир, отбивающий часы, четверти и минуты. Для звука тоже есть контроль. Особый прибор замеряет ритм, длительность, резонанс. Новый механизм надо смонтировать, проверить, демонтировать и собрать заново. Для того чтобы работать здесь, нужна огромная практика. Часовщик по имени Джон, с которым мы говорим, суший ребенок, его опыт — каких-то 16 лет. Два его коллеги Филипп и Паскаль имеют больше. Сколько? «Наверное, 100», — улыбается Джон.

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ